

Залкинд Арон Борисович

**Основные вопросы
педологии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А84

А84 **Арон Борисович З.**
Основные вопросы педологии / Залкинд Арон Борисович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 264 с.

ISBN 978-5-519-85600-3

Психология. История психологии. Педология

ISBN 978-5-519-85600-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕДОЛОГИИ.

I. О некоторых проблемах естествознания в СССР.

В СССР разворачивается по ряду проблем естествознания серьезная дискуссия. Нет, пожалуй, ни одной области естественных наук, где не начался бы классовый пересмотр старых научных позиций. Настоящий спор только начинается, так как лишь в условиях победы пролетариата марксистская мысль может отдать часть основных своих сил областям, стоящим именно в этом ряду боевой классовой практики.

Первая глава советско-марксистского естественно-научного спора развернулась вокруг так называемых психологических проблем. Разрушена мистическая сердцевина учения о душе, устанавливается диалектическое единство «психического» и «физического», — побеждает психофизиологический монизм.

Социальный фактор признается господствующим в отношении к психике, и закономерность общественной жизни является директивой для накопления всего психического фонда. Противоречия всей природы, всей общественной истории «овладели», наконец, и психикой, которая, «как оказалось», подчиняется законам диалектики в той же степени, что и другие процессы жизни. Монизм, моторизм, социогенезизм, диалектизм — вот то основное, что вносит

сейчас марксизм в старую «мистицированную» и суб'ективированную психологию.

Не совсем еще закончились споры о специфическом *качестве* сознания, но, конечно, марксистский уклон характеризуется признанием этого специфического качества, а никак не отрицанием его.

Второй спор возник вокруг главного вопроса научного естествознания: признать ли жизнь особым качеством. Спор «физикохимистов» с «биологами», «механистов» с «диалектиками». Спор этот, хронологически второй в советской исторической очереди, еще только начинается. Марксизм лишь входит во вкус этого спора, требуя *действительного диалектизма* при анализе дискуссионного материала. «Голая» физика и химия (лебизм) однако не дают здоровой пищи для действительной диалектики¹.

Третья дискуссия, начавшаяся в одно почти время со второй, но быстрее развивавшаяся, касается вопроса о наследственности. Являясь частностью, органически вырастающей из второго спора, проблема наследственности привлекла больше внимания как вследствие относительной своей простоты, примитивности—в сравнении с грандиозной темой о сущности жизни, так и вследствие более конкретного, фактически экспериментального материала ее, значительно облегчающего спор.

Тем не менее, спор этот еще очень далек от конца, так как выясняется, что, не связав его с более обширными, общими психофизиологическими проблемами, мы теряем перспективу и начинаем путаться в пустяках. Насколько

¹ Писалось в 1926 году, за это время марксизм целиком «вшел во вкус» спора, что сказалось на диалектической платформе, принятой конференцией маркс.-ленинск. учреждений в 1929 году.

прочное старое наследство, передается ли по наследству вновь приобретаемое, каковы возможности и перспективы евгеники, — твердого слова в этих областях марксизм пока не сказал. Намечается лишь тенденция ответа.

Имеется и много других дискуссий, но мы говорим лишь об основных, делающих погоду в сфере марксизации естествознания. Надо учесть, что этот спор — не одних лишь марксистов; к нему с нарастающей напряженностью прислушивается весь ученый мир, работающий в области естествознания.

Вместе с буржуазией, теряющей свою производственную перспективу, потеряло свою старую философскую базу и буржуазное естествознание. Но ученый не может жить и работать без органической системы миропонимания, — вот почему все более жадно вглядывается он в единственное мировоззрение, имеющее исторические права на завоевание жизни — в марксизм. Многие ученые, не замечая этого, даже против воли заговорили «марксистской прозой», другие же все более спокойно сознаются в своем марксистском «грехопадении». Победа марксизма над наиболее квалифицированными человеческими мозгами — безошибочный предвестник окончательной победы мирового пролетариата.

Дискуссия в области естествознания не вышла еще, однако, из своей философской, теоретической стадии. Спорные проблемы прорабатываются исключительно как вопросы общего мировоззрения, без непосредственной их связи с жгучей, боевой, повседневной *классовой практикой*. *Дискуссия протекает пока не столько в сфере мироздания, сколько в области мирозерцания.*

Поэтому неудивительно, что естественно-научные платформы иногда полностью совпадают у таких ученых, кото-

рые в своих политически-классовых установках подчас резко расходятся. Очевидно, дискуссия не дошла еще до таких глубин, до тех глубоких корней, которые раскрывают до конца подлинную непосредственно-классовую подоплеку спора.

В самом деле, не отрицая огромного теоретического значения спора на фронте марксистской психологии, мы вправе все же спросить, что же действительно ценного и действительно нового внес в *боевую классовую практику* довольно широко развернувшийся спор о так называемой марксистской психологии?

Психология является отнюдь не только идеолого-теоретическим сектором знания, она включает в себе также первоочередные отделы наиболее злободневной, наиболее ответственной человеческой практики, наиболее социально заостренной практики. Как область ценнейшей социальной практики, она представляет тем более крупный интерес и для философских обобщений. Если бы психология не охватывала собою проблемы человеческой личности, вопросы о структуре и генезе личности, о методах влияния на человеческую личность,—эта научная область не возбуждала бы столько страстных исканий и споров.

Внес ли однако протекающий марксистский спор о психике что-либо новое, революционно ценное в область «психологической практики», в область *методики влияния на психику*, на человеческую психику, на социального, классового человека? К сожалению, пока почти ничего не внес, и та экспериментальная методика, те психологические *практические* выводы, которыми снабжают нас отдельные ориентирующиеся на марксизм течения, пока нового и боевого материала в психологическую практику вносят мало: в методику влияния на человека, в методику наилучшего использования человеческой личности для целей пролетарской революции.

Такой «взнос» не предвидится и в ближайшем будущем, судя по разворачивающимся работам¹.

Мало того, с точки зрения классовой пользы, сейчас в практике пролетарского строительства с серьезным успехом применяются методические указания ряда западных психологов, либо совсем не включившихся в марксистскую дискуссию о психике, либо враждебно настроенных по адресу течений, ориентирующихся на марксизм. Очевидно дискуссия не проникла еще в сердцевину вопроса, виной чему на первом плане, конечно, юность дискуссии.

Но теоретический спор корнями своими всегда упирается в практику, порождается, регулируется и проверяется практикой, и если материал практики серьезно не влиял пока в теоретические обобщения,—следует, пожалуй, иногда замедлить темп отдельных обобщений, не спешить, если нет вполне гарантированного фонда для спешки.

Только тогда, когда определенная психологическая школа откроет действительно новые и ценные главы для пролетарской педагогики, для психонотирования² социалистического производства (психотехника), для более продуктивного революционного овладения психикой трудящихся масс (психология политико-просветительской работы),—только тогда будет иметь эта школа право претендовать на полную «канонизацию» ее марксизмом. Пока же спор школ ведется в одной лишь философско-теоретической плоскости, это—половина спора, большая половина, правда, но это еще не весь спор.

Если непосредственно близкий к человеку вопрос о психике почти не вышел еще из стадии отвлеченной дискуссии,

¹ За 3 года не произошло в этой области особых изменений.

² «Психонот» — научная организация психических процессов, нужных для трудовой практики.

значительно сложнее, конечно, обстоит с более широкой, исходной *общей* проблемой—о сущности жизни. Дискуссия в этой области, конечно, имеет гораздо меньше непосредственной связи с практикой, чем психологический спор.

Если марксистизирующаяся психология по пути анализа общих позиций останавливается иногда и на разногласиях в методике исследования, тем самым вклиниваясь в первичные вопросы практики,—марксистский спор лебистов с антилебистами протекает пока в плоскости безразличия к методике исследования. Одними и теми же способами, в сходных условиях наблюдаются явления жизни, но по-разному теоретически истолковываются. Это пока стопроцентно-философский спор. Он не коснулся еще ни одного из вопросов боевой биологической практики, имеющей непосредственно социальное значение.

Такие социально боевые вопросы биологии, как проблема наследственности, область социально-биологической профилактики, ближайшие этапы психофизиологии человека,—эти вопросы «механически-диалектическим» спором не затронуты и разрешаются в особой, самостоятельной дискуссии, протекающей вполне независимо от войны по вопросам общей биологии. Как лебисты, так и антилебисты могут хотя бы по вопросу о наследственности неожиданно для себя оказаться в одном лагере, при сохранении в то же время непримиримых разногласий в понимании основной механики жизненного процесса.

Дискуссия о наследственности, однако, тоже не блещет социально-практическим, классовым конкретным материалом, несмотря на, казалось бы¹, необычайную непосредственно-

¹ Как увидим ниже.

классовую заостренность основных вопросов наследственности. Дискуссия оперирует научными фондами, накопленными в ботанике и зоологии, и очень мало уделяет внимания человеку. Специфизм человеческой социальной среды учтен дискуссией в ничтожной степени, наследственные закономерности растительного и прочего животного царства механически и почти целиком привешиваются к человеку.

Этот «научный» автоматизм в мышлении отдельных работников, числящих себя марксистами, приводит подчас в содрогание. Безразличие, слепая, догматическая вера, в которой они переносят на человека реакционнейшие евгенические формулы, взрощенные ботаникой и зоологией, говорят по меньшей мере о псевдо-марксистской близорукости. Попробовали бы они применить эти формулы к вопросам действительной, пролетарско-классовой практики, — истина обнаружилась бы без особого труда. Но в том-то и дело, что не пробуют; «дискуссия пока отвлеченная», поэтому она и остается на 99% ботанико-зоологической.

Этой «внеклассовой» стадней дискуссии об'ясняется, между прочим, и замечательный курьез: дружеское пребывание на левом фланге теорий наследственности таких ученых, которые резко враждебны друг другу в вопросах классовой политики, и обратно, мирное сожитие на правом «наследственном» фронте коммуниста рядом с махровым социальным реакционером. Эта странная, противосестественная дружба подтверждает, что классовая подпочва спора еще далеко не раскрылась.

Но, возражат нам, не все же научные дискуссии имеют классовое значение. Мало ли разногласий у «спецов» в области инженерно-технических вопросов, нельзя же считать непосредственно-классовым спором полемику о том, какой системой

отопления или каким типом котла надо пользоваться в заводской практике.

Отвечу, что подобный вопрос, действительно, не является предметом общемарксистской дискуссии; он представляет собой кусок узко-технической практики, не затрагивающей общеполитических позиций. Однако, оговорюсь, что нередко даже инженерно-технические вопросы могут вовлечь в общую дискуссию, взять хотя бы проблему тейлоризации или фордизма.

«Инженерный» вопрос, как наладить технику использования машины, — в частности, той части машины, которая заменяется человеческим телом, телом рабочего, — превращается, однако, в остро-классовый вопрос: в вопрос об отношении к социальной ценности рабочего тела. Капитализм, выкачивающий прибавочную стоимость, фордизирует производство в направлении максимального биологического и творческого истощения тела рабочего, — мы же будем настойчиво искать синтеза технической и биолого-творческой экономии, так как рабочий у нас не объект эксплуатации, а субъект социалистического производства, представляющий самостоятельную социальную ценность кроме производственного его использования.

«Технический» спор оказывается, как видим, остро-классовым, и вряд ли марксизм откажется от энергичнейшего участия в этой благороднейшей исторической дискуссии по вопросу о защите главного психофизиологического фонда человечества. Спор о технике переключится на рельсы теоретического понимания механизмов и динамики человеческой психофизиологии, — психофизиологии вообще, — из частного, специального станет общим, социальным, классовым.

Те же дискуссии, о которых речь шла выше, еще ближе к непосредственным интересам класса; вот почему так остро нужна скорейшая их «практизация».

Значит ли это, что мы против необходимости теоретических, отвлеченных дискуссий?—Нет, как раз наоборот. Теоретическая дискуссия всегда и первоочередно необходима, в начальной стадии проработки проблемы она совершенно обязательна. Вопрос лишь тогда получит действительно общее освещение, если рассмотрению его будет дано основное направление, если по пути его развертывания будут заранее расставлены исходные целевые вехи, иначе это не спор о целом, а суетня по пустякам: «гора», которая обязательно породит мышь.

Поэтому первичная стадия заострения кардинальных научных проблем—это всегда теоретико-отвлеченная стадия; именно здесь ей честь и место.

Но наметив исходные вехи, разрешив вопрос об основной установке, вопрос должен из плоскости теории и (ядо с теоретической его проработкой врезаться также в самую гущу практики, должен обильно напиться практикой, чтобы, налившись новой силой, подкрепить, с одной стороны, основную теоретическую позицию,—с другой стороны, чтобы максимально послужить затем самой этой практике, так как в конечной службе классовой практике и заключается всегда весь смысл спора. Без этого своевременного практицирования дискуссия грозит выродиться в жвачку.

II. Ревизия наук о ребенке.

К счастью, дирижером всякой дискуссии в конечном счете является сама социальная практика, которая своим вмешательством подрезает избыточно разросшиеся ветви спора, либо же при искривлении основных путей его переводит в новую почву. Так, Октябрьской революцией был преодолен «философский кризис» марксизма, были про-

верены и углублены на практическом эксперименте основные общие теоретические позиции марксизма. Практикой послеоктябрьского строительства проверяются и другие как первые, так и вторые в исторической очереди проблемы марксизма.

В частности вопрос о биологической структуре человека, о психофизиологии человека в основном проверяется практикой *советского социального воспитания*.

Победившая Октябрьская революция принялась за строительство социалистического общества. Одной из первых проблем социалистического рабочего плана явился вопрос о создании нового, социалистического человека.

Вопросы о воспитании этого нового человека стали с первых же послеоктябрьских лет классово-боевыми, остро-боевыми. Новые производственные отношения, новые соотношения социальных групп, новый быт, новая мораль, искусство, суд,—все это вызвало о новом человеке, выдвигало срочный классовый заказ—продумать наилучшую методику воспитания социалистического человека.

Сейчас, когда массовый трудовой человек, пролетарий, из объекта эксплуатации превратился в коллективного организатора производства, было бы непростительной ошибкой, чудовищной опасностью недооценить значение субъективных качеств этого социалистического строителя. Впервые в истории (которая ведь только начинается, была лишь пред'историей) хозяином производства пытается стать действительный его хозяин. И психофизиологическое его содержание, методика использования его творческих ценностей, методика влияния на него, методика воспитания,—все это становится первоочередным вопросом классовой стратегии и тактики.